

Много букв

Качок и дрыщ

На станции «Ленинский проспект» Московского метрополитена встретились два приятеля: один качок, другой дрыщ. Качок только что вышел из качалки, немного усталый, но страшно довольный собой. Мышцы его видны были даже через толстую зимнюю куртку, а крепким мужским одеколоном несло за 50 метров. Дрыщ же только что вышел из вагона, радуясь возможности наконец вздохнуть свободно. В одной руке у него был тяжелый рюкзак с учебниками, в другой — толстенная книга по истории искусства. На его длинном носу еле-еле держались очки. Из-за спины торчала большая туба для чертежей. От него сильно пахло колбасой и кофе — студенческим завтраком, съеденным в спешке*.

— Константин! — воскликнул качок, увидев дрыща. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился дрыщ. — Алеша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Далее последовали крепкие объятия, от которых у дрыща аж кости хрустнули. А качок даже не заметил этого из-за своей мышечной массы. Но это не так важно, ведь старые друзья были так приятно ошеломлены!

— Дорогой Алеша! — начал дрыщ после дружеского приветствия, быстро поправляя очки. — Вот это сюрприз! Дай посмотрю на тебя! Ну ты и накачался! Из качалки не вылезает, поди, молодец! А лицом-то совсем не изменился. Такой же красавец, как и был. Ну, что же ты? Работаешь? Учишься? Я вот учусь, как видишь. Читаю книгу по истории искусства. Так интересно, не поверишь! А тут вот, в тубе, все работы мои!

— Художник, что ли? — поинтересовался качок.

— Да что ты! До художника мне далеко еще. Помнишь, в школьное-то время? Я к тебе на каждой перемене подходил и свои каракульки показывал! А ты боялся все время, что меня твои одноклассники, такие же качки, как и ты, снесут, и загоразживал меня, пока смотрел мое художество. А помнишь, как во дворе все в футбол играли, а я рисовал мячики на асфальте. Все смеялись надо мной, а ты затыкал их. Ловко так! И тогда все сразу начинали хвалить мои рисунки. Эх, были времена... А сейчас я уже архитектор. Ну, то есть как архитектор? Будущий. Вот, видишь, книжку читаю. Но не просто книжку, а по истории! По истории искусств! Страсть как интересно!

— А как живешь-то ты? — спросил качок, восторженно глядя на друга. — Учишься где?

— Учусь, еще как учусь! В художественном колледже уже второй год! На бюджете! Задают, правда, много, но ничего, справляюсь. Все мои однокурсники, вон, в клубах тусуются, а я нет. Я задания делаю. Мне и дома хорошо. У меня там кошка есть. Котят вот недавно второй раз родила. Продаю потихоньку и немного зарабатываю. Сейчас, вот, иду за циркулем новым, чтобы проект храма завершить... А ты-то как? Небось, работаешь уже? Юристом?

— Ну нет, я учусь пока.

— Как? Учишься? Это что же за колледж такой с шестилетним обучением?

— Какой колледж? Я бросил его давно, — сказал качок. — Бери выше! В МГУ я учусь!

Дрыщ вдруг побледнел, встал как столб, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его

посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его рюкзак, книжка и туба съежились, поморщились... Очки все-таки соскочили с носа, упали на землю и разбились вдребезги.

— Ах, Алексей... Очень приятно! Друг, можно сказать, детства и вдруг учитесь в таком заведении!..

— Ну чего же ты? — поморщился качок. — Это ведь всего лишь университет! Мы с тобой друзья детства! К чему этот страх?

— Что вы, что вы! — захихикал дрыщ, еще более съеживаясь. — Милостивое внимание такого ученого человека. Это, вот, книжичка моя по искусству, некоторым образом... А там рисунки мои, так, ничего особенного...

Качок словно хотел было возразить что-то, но на лице у дрыща было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что студента стошнило. И весь так старательно съеденный запас сухих протеинов оказался на земле. Качок отвернулся от дрыща и подал ему на прощанье руку.

Дрыщ дрожащей рукой пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Нос его казался теперь длиннее всего лица его, а очки уже затерялись среди десятков ног. Да уж, друзья были приятно ошеломлены такой встречей.

САША ФАРАДЖЕВА

* По мотивам рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий» (1883).

Сквозь время

— А тебе правда уже несколько тысяч лет?

Маленький зеленоглазый мальчик смотрел на представшую перед ним эльфийку, не скрывая своего изумления и восхищения. Лейрисса чуть сощурила голубые ледяные глаза и не смогла сдержать улыбки.

— Неправда, — произнесла она тихо и слишком мягко для представителя холодного народа с горных вершин Севера. — Больше.

Мальчик даже раскрыл рот от удивления. Ему самому, будущему великому Хранителю, всего лишь одиннадцать лет. Встретить здесь такое прекрасное создание, как ледяной эльф, оказалось для него настоящим шоком. На вид девушке было лет двадцать. Мальчик знал о том, что эльфы бессмертны, но до этой встречи считал это просто детскими сказочками.

— Меня зовут Артур, — наконец смог выдать из себя мальчик, протягивая руку для пожатия. — Артур Кейлорд. А вас как зовут?

— Северный маг, — эльфийка прикрыла глаза и вместо рукопожатия учтиво поклонилась. — Лейрисса Зимнее Крыло. Скажи мне, юный волшебник, где твой Учитель?

Лейрисса была немного озадачена. Когда она решила отправиться в прошлое великого Хранителя Времени, она надеялась, что хоть сейчас сможет попасть в правильный временной отрезок, но, видимо, опять напортачила, оказавшись раньше нужного года.

— Он ушел, — мальчик вдруг загрустил. — Оставил мне свой амулет и ушел. Не знаю почему. Перед тем как оставить меня, он сказал, что «время ждет его». Я долго думал, что могут означать эти слова, но так и не узнал. Как бы ни старался.

Северный маг в знак скорби склонил голову. Ей, как члену Ордена Хранителей Времени, была известна трагическая история Повелителя Времени. Он не умер. Он именно ушел, как правильно заметил Артур. Время забрало его в свой отдаленный уголок. В Безвремяе. Даже сама девушка не до конца понимала того, что их ждет после смерти. Но главное, что Кейлорд сейчас оставался один. Значит, за ним должен кто-то присматривать.

Сколько Артур себя помнил, таинственная эльфийка всегда была рядом. Она научилась возвращаться в нужный момент во времени, и теперь, тайно от остальных членов Ордена, проводила время с тем, к кому в будущем прониклась весьма противоречивыми чувствами, разрывавшими ее пополам.

Мальчик рос, обучался магии по книгам своего великого Учителя и уже смог перегнуть девушку как в росте, так и по своим умениям, да и вообще хрупкая и изящная ледяная дева стала выглядеть младше Артура. Сначала парень гордился тем, что маг из будущего является его столь близким другом, и искренне к ней привязался, а потом понял — он влюбился.

Как только это чувство появилось в его сердце, в его голове возник болезненный вопрос: как сказать об этом и не услышать в ответ холодный отказ?! Ледяные эльфы славились своим высокомерием и чтили чистоту своей расы. Выпасть прямо в лоб что-то вроде «Эй, остроухая, я тут вдруг подумал, давай будем встречаться?» показалось Кейлорду слишком прямолинейным. Тогда он пригласил девушку на чай.

Чаепития, которые обычно устраивал Артур, Лейрисса считала довольно странными — если смотреть на них с точки зрения традиций ее народа. Во-первых, люди пили чай за столом. Во-вторых, чашки были глубокие и слишком неказистые для утонченной эльфийской души. А в-третьих, чай был горячим. Из всего этого Северный маг сделала вывод, что о чайных церемониях эльфов юный волшебник и понятия не имеет.

Поэтому приглашение на чай Лейрисса приняла без особого энтузиазма и воодушевления, хотя мысль о том, чтобы вновь увидеться с Артуром, была ей приятна.

От пронзительного эльфийского взгляда не ускользнуло необычное поведение Кейлорда. Он смотрел странно, то и дело облизывая чуть потрепавшиеся губы, словно не решаясь что-то сказать. Сегодня гостеприимному магу было совершенно не до чая.

— Давай, рассказывай уже, я же вижу, у тебя что-то произошло, —

Северный маг повернулась к Артуру. Судя по всему, случилось что-то действительно серьезное. Она никогда не видела его таким напряженным.

— Хорошо, — решительно произнес волшебник. — Я давно собирался сказать, Лейрисса, но... ты мне нравишься.

На долю секунды Зимнему Крылу показалось, что она ослышалась. Затем непонимающим взглядом посмотрела на Кейлорда — действительно ли он имел это в виду?

— Понимаешь, как бы сказать, — смутившись, девушка отвела взгляд и нервно заправила прядь белоснежных волос за длинное ухо. — Мне кажется, это было бы неправильно. Мы чтим чистоту рода и... нет, не подумай ничего плохого, ведь ты мне тоже нравишься, но... — она вздохнула. — Но не в том смысле...

Казалось бы, совсем недавно она впервые отправилась в прошлое, чтобы изменить судьбу этого ребенка, от которого в будущем ей предстояло погибнуть. Она видела его тем мальчиком, который замороженно глядел на то, как Лейрисса искусно выводит на окнах ледяные узоры, как заставляет идти снег посреди лета. Она помнила его детский звонкий смех, который заставлял эльфийку невольно улыбаться. Северный маг не могла избавиться от этих воспоминаний. Она всё еще видела одного из сильнейших магов тем маленьким ребенком, с которым познакомилась в далеком прошлом.

— Ты думаешь, я так просто отстану? — усмехнулся зеленоглазый, протянув девушку к себе. — И не надейся!

— А может, все-таки чаю? — Лейрисса попыталась вырваться из объятий мага, но его мужская крепкая хватка не предполагала возможности освобождения. — Если хочешь, я могу...

Договорить ледяной эльфийке не дали: настойчивый, глубокий, но в то же время нежный поцелуй прервал фразу, а сильные руки Артура только крепче стиснули ее в объятиях.

— Сдавайся, остроухая. Тебе не победить.

Два облаченных в яркие алые доспехи воина стояли над израненным

© Евгения Склиаревская

магом, у которой не осталось сил даже на то, чтобы приподняться. Давняя война Северных и Южных эльфов измучила ее. Южные наконец нашли слабую точку врага — сильнейшая волшебница Ледяных, Лейрисса Зимнее Крыло, известная как Северный маг, сейчас лежала у их ног.

— А ну отстали от нее! — раздался гневный голос.

За спиной Лейриссы возник волшебник, закутанный в золотой, словно солнце, плащ. Воины переключили свое внимание на дерзкого незнакомца, усмехнувшись, обнажили клинки и бросились в атаку. Маг быстро достал часы на цепочке и прокрутил стрелки несколько раз. Нападающие замерли, словно окаменев. Их тела покрылись легкой золотистой пылью.

Незнакомец спрятал необычные часы, опустил на одно колено перед обессилевшей девушкой и сбросил капюшон.

— Жива?

— Вполне, — осторожно ответила Лейрисса. — Вмешательство в ход времени опасно, ты же знаешь. Но если бы не ты, всё могло бы быть гораздо хуже.

— Как мне не знать, — с ноткой обиды произнес Артур. — Но ведь дело было серьезным, потому пришлось немного поиграть с временными нитями, — усмехнулся он. — А что мне будет за это спасение?

Сказав это, он приблизился к раненой и стал ждать ответа.

— Благодарности с тебя хватит, — высокомерно произнесла голубоглазая и попыталась отстраниться, но в этот момент почувствовала теплую человеческую ладонь на своей спине. Другая рука гладила ее белые волосы. — Артур...

— Молчи.

Он поцеловал ее с такой нежностью, что холодная эльфийка не поверила, что это тот мальчишка, который недавно признавался ей в любви. Но это был именно он. Его руки держали Лейриссу бережно, словно хрусталь.

Прервав поцелуй, Северный маг непонимающе взглянула на Кейлорда. Казалось бы, за эти несколько секунд ничего не изменилось. Он был прежним. Зеленоглазым, высоким, в золотом плаще и с пшеничного цвета волосами, — но уже другим. Теперь на волшебницу вместо маленького уче-

ника смотрел взрослый маг. Великий Хранитель Времени.

— Я люблю тебя, — слова вырвались из нее сами, прежде чем девушка поняла, что делает.

— И я, — он чуть улыбнулся. — И уже давно. А теперь задам последний вопрос. Ты пойдешь со мной?

— Да, — сорвалось с холодных губ, и Артур поцеловал ее так, что все прочие мысли вылетели из ее головы.

Быть любимой — вот оно счастье. А любимый — это тот, кто может «случайно» нарушать твои заклятия, бесцеремонно обнимать и улыбаться настолько искренне, что на душе становится тепло.

И целовать так, как никто не может.

Это и есть любовь.

ИРА ЧУБАРОВА

Письмо в Лондон (из Новосибирска)

ХМУРЫЙ ДОЖДИК

Хмурый дождик
капает весь день
И тревожно
в струнах отдается.
Но любая непогоды тень
Нас своим
дыханьем не коснется.

Ни жара, ни даже злая вьюга
Наш орлятский
круг не разорвут.
Все сердца состроены
друг с другом,
Как гитары,
под которые поют.

Неизвестно, сколько дорог
Нам еще придется пройти,
Но каждый
вложил сколько мог,
Чтоб найти
чьей-то дружбы нить.

Неизвестно, сколько людей
Нас спасут или предадут,
Но всегда нам будет теплей,
Оттого что нас где-то ждут.

С каждым годом
время всё быстрее
Убегают, чтоб
назад не возвращаться.
Неуютно стало без друзей,
С кем недавно нам
пришлось расстаться.

Каждый в жизни
что-то нарушал,
Но один закон запомнить
очень просто:
Что, куда бы ты ни уезжал,
Возвратишься
на родной свой Остров.

Объятия Морфея. Военно-ролевой отряд Fauler пугает детей страшными сказками о капитализме (ЛТО-2005)

Шутка недели

« Иногда создается впечатление, что торговцы, работающие на елочных базарах в декабре и на арбузных в августе, — это одни и те же люди... »

Выпуск готовили

Статьи

Саша Фараджева
Ира Чубарова

Корректурa

Даниил Бордюгов

Много букв

(приложение к газете «Backspace»)

Выпуск 2, 13.07.2016

Смоленская область, пос. Пржевальское,
улица Курортная, дом 1

<http://old.vostrove.ru>

mail.ostrov@gmail.com

© Остров Сокровищ, 1997–2016